

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-183-193>

Екатерина Александровна Прохорова

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0009-8498-7538>, prokhorovae@mail.ru

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

О роли доктрины в уголовно-процессуальном регулировании

Аннотация: Введение. В статье исследуется роль правовой доктрины в регулировании отношений в сфере уголовного судопроизводства. Отмечается, что различия в позициях ученых в отношении признания правовой доктрины источником российского права производны от дифференциации взглядов на понятия «доктрина» и «источник права». Выделяются два вида правовой доктрины: доктрина как комплекс положений правовой науки (научная правовая доктрина) и доктрина как официальные документы доктринального характера (официальная доктрина). Указывается на использование термина «источник права» в двух значениях – как правообразующий фактор, начало, исток права (материальный источник права) и как форма права, способ закрепления правовых норм (формально-юридический источник права). Анализируется возможность отнесения обозначенных видов правовой доктрины к материальным и формально-юридическим источникам уголовно-процессуального права. **Методы.** Методологическую основу исследования составили методы анализа, синтеза, формально-юридический, логический, социологический и другие методы научного познания. **Результаты.** Сделан вывод, что правовая доктрина является материальным источником и важнейшим инструментом познания уголовно-процессуального права. Приводятся аргументы, по которым правовая доктрина не может быть признана формально-юридическим источником уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: правовая доктрина, научная правовая доктрина, официальные документы доктринального характера, уголовно-процессуальное регулирование, материальный источник уголовно-процессуального права, формально-юридический источник уголовно-процессуального права

Для цитирования: Прохорова Е. А. О роли доктрины в уголовно-процессуальном регулировании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 183–193; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-183-193>.

Original article

Ekaterina A. Prokhorova

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0009-0009-8498-7538>, prokhorovae@mail.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academica Volgina str., Moscow, 117997, Russian Federation*

The role of doctrine in criminal procedure regulation

Abstract: Introduction. The author researches the role of legal doctrine in the regulation of relations in the sphere of criminal proceedings. It is noted that the differences in the positions of scientists regarding the recognition of legal doctrine as a source of Russian law are derived from the differentiation of views on the concepts of “doctrine” and “source of law”. There are two types of legal doctrine: doctrine as a set of provisions of legal science (scientific legal doctrine) and doctrine as official documents of doctrinal nature (official doctrine). The term “source of law” is used in two meanings - as a law-forming factor, the beginning, the origin of law (material source of law) and as a form of law, a way of establishing legal norms (formal-legal source of law). The possibility of relating the designated types of legal doctrine to substantive and formal-legal sources of criminal procedural law is analysed. **Methods.** Methods of analysis, synthesis, formal-legal, logical, sociological and other methods of scientific cognition formed the methodological basis of the research. **Results.** The author has concluded that legal doctrine is a material source and the most important tool of cognition of criminal procedural law. The author argues that legal doctrine cannot be recognised as a formal-legal source of criminal procedural law.

Keywords: legal doctrine, scientific legal doctrine, official documents of doctrinal nature, criminal procedure regulation, material source of criminal procedure law, formal-legal source of criminal procedure law

For citation: Prokhorova E. A. The role of doctrine in criminal procedure regulation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 183–193; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-183-193>.

Введение

Идея множественности источников уголовно-процессуального права, категорически отвергаемая представителями советской научной школы, с девяностых годов прошлого века «набирает обороты», а ее приверженцы пытаются убедить оппонентов в том, что вопреки положениям ст. 1, 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ), фактическими способами закрепления уголовно-процессуальных норм в нашей стране являются не только законы, но и судебные прецеденты, другие формы судебного правотворчества, обычаи и даже правовая доктрина.

Вопрос о роли правовой доктрины в регулировании отношений в сфере уголовного судопроизводства представляет особый интерес как наименее изученный в уголовно-процессуальной науке, но в то же время имеющий важное значение для понимания и объяснения системообразующих связей формы уголовно-процессуального права.

Методы

Исследование обозначенного вопроса предполагает применение методов анализа, синтеза, формально-юридического, логического, социологического и других методов научного познания. Учитывая, что вопросу о признании правовой доктрины источником уголовно-процессуального права в уголовно-процессуальной науке не уделяется должного внимания, рассуждения автора во многом опираются на теоретические разработки представителей теории права и отраслевых юридических наук по схожей проблематике, разумеется,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

с учетом специфики предмета и метода уголовно-процессуального регулирования, а также на результаты изучения официальных документов доктринального характера, материалов уголовных дел и интервьюирования следователей и дознавателей различных ведомств.

Результаты

В целом в юридической науке наблюдается неоднозначное отношение к правовой доктрине как источнику права.

Одни ученые, отмечая ее несомненное влияние на процесс совершенствования законодательства, тем не менее отрицают ее непосредственное регулирующее воздействие на правоприменителя. Такое отрицание выражается двумя способами: пассивным, проявляющимся в умалчивании, игнорировании этого вопроса, и активным, состоящим в прямом утверждении о недопустимости использования правовой доктрины в правоприменении во избежание злоупотребления правом [1, с. 63].

Другие исследователи, признавая правовую доктрину источником права, подчеркивают ее производный, второстепенный [2], косвенный, вспомогательный [3, с. 83], нетрадиционный [4, с. 270] или нетипичный [5, с. 31] характер в этом качестве.

Интересно, что все отмеченные характеристики, кроме нетипичности, так или иначе связывают либо с субсидиарным значением правовой доктрины, которая выступает «обрамлением общепризнанных форм права»², дополняет их, либо со степенью ее «применимости ... в конкретной правовой системе» [6, с. 57], выступающей «мерилом нетрадиционности источника права» [4, с. 271].

Нетипичный же характер правовой доктрины зачастую видят в отсутствии важнейших признаков источников права – общеобязательности, обеспеченности мерами принуждения [5, с. 31]. В подобных рассуждениях усматриваются некоторые противоречия. Учитывая, что признак – это «показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-нибудь»³, отсутствие у правовой доктрины указанных выше признаков свидетельствует, на наш взгляд, об отсутствии оснований для отнесения ее к источникам права.

Третьи авторы более категорично, без всяких оговорок, констатируют факт причисления правовой доктрины к источникам права⁴, заявляя об официальном признании правовой доктрины «источником международного частного ... и международного публичного права»⁵, а также отмечая, что «даже при отсутствии формально-юридического закрепления доктрины в качестве источника права, она продолжает выполнять функции источника фактически» [7, с. 120–121].

Различия в позициях ученых относительно ответа на вопрос о признании правовой доктрины источником российского права в немалой степени производны от дифференциации взглядов на понятия «доктрина» и «источник права».

В большинстве случаев доктрина понимается как продукт научной мысли, что соответствует лексическому значению данного слова⁶. В этом смысле к правовой доктрине относят весь комплекс разработанных правовой наукой положений: учение, философско-правовую теорию, мнение ученых-юристов по вопросам правотворчества и правоприменения, научные труды наиболее авторитетных исследователей в области права [8, с. 71] и т. п.

При этом многие ученые небезосновательно подчеркивают необходимость разделять науку и доктрину и относить к последней только «авторитетное научное исследование» [7, с. 118].

² Бошно С. В. Форма права: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2005. – С. 14.

³ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – С. 479.

⁴ Пузиков Р. В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования : Проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2003. – С. 9.

⁵ Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права : историко-теоретические вопросы : автореф. дис. канд. юрид. наук. – Красноярск, 2007. – С. 4.

⁶ В толковом словаре русского языка доктрина определяется как учение, научная или философская теория (См.: Ожегов С. И. Указ. соч. – С. 150).

Говоря о критериях авторитетности, следует отметить, что, например, в США «возможность использования в судебном акте научной позиции в качестве источника цитирования напрямую зависит от уровня индекса цитируемости автора» [2], а некоторые отечественные ученые полагают, что «высокий авторитет доктрины» проявляется «в форме ее документального оформления (например, утверждение каким-либо органом или авторитетной общественной организацией)» [9], т. е. на первое место в этом вопросе поставлен авторитет автора правовой доктрины.

Обозначенный критерий, как представляется, не может выступать определяющим, тем более, что, как справедливо отмечает С. Н. Бошно, «есть ... теории, установить происхождение которых не представляется возможным» [8, с. 71–72]. Документарное же оформление правовой доктрины в случае издания соответствующих документов органами государственной власти характеризует особый вид доктрины, о котором пойдет речь далее.

Гораздо важнее, на наш взгляд, «качество» соответствующих научных идей – признак «научным сообществом и практиками-реализаторами правовых норм, ... научно-прикладной и практический характер» [10, с. 32].

Рассматриваемый вид правовой доктрины, включающий весь комплекс разработанных юридической наукой положений, будет обозначен в рамках настоящей статьи как научная правовая доктрина.

Встречается в научных публикациях и другое понимание термина «доктрина» – как доктринальных документов [8, с. 77], нормативных правовых актов, обладающих доктринальным характером⁷, документов программного характера, издаваемых государственными органами, в наименовании которых присутствуют слова «доктрина», «стратегия», «концепция» [11, с. 234], политико-правовых документов типа «доктрина» и «концепция» [10, с. 32] и т. п.

Данный вид доктрины будет обозначен нами как официальные документы доктринального характера или официальная доктрина. Предложенное наименование ни в коем случае не исключает научной составляющей этого вида доктрины, а подчеркивает ее официальный документальный характер, отсутствующий у доктрины, которую мы условно назвали научной.

Несмотря на то, что о подобного вида доктринах говорят, как правило, как об относительно новом правовом явлении⁸, полагаем, что в советский период к официальным доктринам можно было отнести документы, представляющие собой «теоретический арсенал» КПСС⁹ (решения съездов КПСС, Пленумов ЦК КПСС, Программа Коммунистической партии и др.), которые, несмотря на превалирование идеологической составляющей, определяли основные направления развития нашей страны, в т. ч. в сфере уголовного судопроизводства в определенный период.

Рассуждая о возможности отнесения того или иного вида доктрины к источникам права, авторы исходят из различного понимания термина «источник права» – в материальном и формально-юридическом значениях.

В материальном смысле рассматриваемый термин используется для обозначения сил, производящих право¹⁰, первопричины права¹¹, его начал¹², всей совокупности правообразующих факторов, что соответствует лексическому значению слова «источник», буквально означающего «то, что дает начало чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь»¹³.

⁷ Бошно С. В. Указ. соч. – С. 288.

⁸ Там же. – С. 286.

⁹ Шпилев В. Н. Сущность, содержание и формы советского уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. – Минск, 1983. – С. 250.

¹⁰ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права // [Соч.] В. Сергеевича. – Четвертое изд., доп. и попр. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. – С. 4.

¹¹ Бошно С. В. Форма права: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2005. – С. 22.

¹² Ершова Е. А. Источники и формы трудового права в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2008. – С. 7.

¹³ Ожегов С. И. Указ. соч. – С. 218.

В формально-юридическом смысле под источниками права понимают «продукт силы», производящей право, «самый закон»¹⁴, формы, способы выражения права¹⁵, способы закрепления правовых норм.

Важное различие материальных и формально-юридических источников права заключается в той роли, которую каждый из них играет в правовом регулировании.

Роль материальных источников права опосредованная, они оказывают воздействие на формально-юридические источники права, обуславливают их существование, влияют на содержание, в виду чего иногда называются первичными¹⁶.

Формально-юридические источники права в этом плане выступают в качестве вторичных, однако именно они оказывают непосредственное воздействие на правоприменителя, т. е. регулируют правоотношения, поскольку содержат в себе нормы права, являются способами их закрепления.

Признание правовой доктрины, причем в обоих ее значениях, в качестве материального источника права, в т. ч. уголовно-процессуального, не вызывает существенных возражений.

Влияние научной правовой доктрины на уголовно-процессуальное законодательство сложно переоценить. Еще в конце XIX века Д. Г. Тальберг отмечал, что «критическое, отрицательное отношение к положительному законодательству ... всегда будет служить в руках научной теории орудием против несовершенств действующих законов»¹⁷. Важный вклад науки уголовного процесса в решение задачи совершенствования законодательства подчеркнул М. С. Строгович¹⁸, признают современные ученые, труды которых изобилуют предложениями по изменению и дополнению УПК РФ.

Официальные документы доктринального характера, как правило, определяют общее направление совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Например, Концепции судебной реформы РСФСР 1991 года¹⁹, как определялось в ней самой, придавалось «значение „пробного камня“ для всякого решения, законопроекта, имеющих отношение к ... порядку производства по уголовным ... делам», а на соответствующие Комитеты Верховного Совета РСФСР в связи с ее принятием возлагалась обязанность «взять под контроль подготовку пакета законодательных актов о судебной реформе в РСФСР и осуществление других практических мер по ее реализации». Заложенные в Концепции судебной реформы идеи реформирования, хотя и не все, были восприняты при разработке проекта УПК РФ и нашли отражение в содержании многих институтов уголовно-процессуального права.

В числе современных официальных документов доктринального характера, имеющих значение для уголовного судопроизводства, следует отметить такие документы стратегического планирования (стратегические документы), как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации²⁰, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей²¹, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы²² и др.,

¹⁴ Сергеевич В. И. Указ. соч. – С. 4.

¹⁵ Шебанов А. Ф. Форма советского права. – Москва: Юридическая литература, 1968. – С. 41–42.

¹⁶ Марченко М. Н. Источники права : учебное пособие. – Москва: Проспект, 2005. – С. 53.

¹⁷ Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство : Пособие к лекциям // [Сочинения] Орд. проф. Ун-та св. Владимира д-ра уголовного права Д. Г. Тальберга. – Киев, 1889. – Т. 1. – С. 16.

¹⁸ Строгович М. С. Основные положения науки советского уголовного процесса // Курс советского уголовного процесса : в 2 т. – Москва: Наука, 1968. – Т. I. – С. 75–76.

¹⁹ О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

²⁰ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

²¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

²² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

определяющие общее направление и цели государственной политики в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, применения информационных и коммуникационных технологий и в иных сферах, а также конкретные задачи для достижения обозначенных целей, которые должны найти отражение и развитие в соответствующих законах, в т. ч. в УПК РФ.

Таким образом, роль правовой доктрины как материального источника уголовно-процессуального права состоит в детерминации и научной проработке конкретных изменений уголовно-процессуального закона, а также в определении общего направления совершенствования законодательства в свете приоритетных целей государственной политики в различных сферах.

Вопрос о признании правовой доктрины в качестве формально-юридического источника права является дискуссионным, а его решение применительно к уголовно-процессуальному праву представляет особую сложность в виду специфики уголовно-процессуального регулирования.

Если говорить о возможности непосредственного регулирующего воздействия на общественные отношения официальных документов доктринального характера, то, как представляется, в первую очередь следует ориентироваться на правовую позицию по данному вопросу, сформулированную Конституционным Судом Российской Федерации в отношении военной доктрины²³, согласно которой ее положения «не содержат нормативных предписаний». Подобная оценка природы военной доктрины исключает возможность отнесения ее к источникам права, а учитывая нормативный характер постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, полагаем, что такой вывод может быть сделан и в отношении других подобных документов.

Вместе с тем, принимая во внимание особое мнение судьи Н. В. Витрука, признавшего нормативный характер как самой военной доктрины, так и формулировок ее положений, считаем, что ответ на вопрос о возможности отнесения конкретных официальных доктринальных документов к источникам уголовно-процессуального права должен базироваться на анализе этих документов на предмет наличия в них уголовно-процессуальных норм.

Результаты такого анализа показывают, что уголовно-процессуальных норм, т. е. правил поведения участников уголовного судопроизводства, рассматриваемые документы не содержат, а значит, не могут считаться формально-юридическими источниками уголовно-процессуального права.

Идея о включении в систему формально-юридических источников права научной правовой доктрины, несмотря на то, что всеобщего признания и официального одобрения не получила, активно отстаивается отдельными представителями отраслевых юридических наук, которые отмечают участвовавшие случаи «обращения судебных органов к доктрине с целью обоснования своей позиции по делу» [2], приводят примеры ссылок «на научные труды ученых-юристов ... в ... судебных актах арбитражных судов и судов общей юрисдикции всех уровней и инстанций» [12, с. 115], «использования доктринальных положений к действующему уголовно-исполнительному законодательству» [13, с. 15], регулирования доктриной трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений [5, с. 29], «доктринального нормотворчества» Федеральной нотариальной палаты и нотариальных палат субъектов Российской Федерации [9] и т. д.

²³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.07.1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 „О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики“, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 „О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта“, Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 „Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа“, Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 „Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации” // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3424.

Указывают на «редкие, но довольно отчетливые следы использования доктринальных положений в дополнение к действующему законодательству» [14, с. 130] и представители уголовно-процессуальной науки. В частности, А. Н. Чащин приводит в качестве примера активное использование судами категорий «реабилитирующие» и «нереабилитирующие» основания прекращения уголовного дела, несмотря на отсутствие, по его словам, правовой регламентации этих понятий в уголовно-процессуальном законодательстве РФ [14, с. 130].

И хотя в отношении данного примера можно привести возражения, что ст. 58.1 УПК РФ четко устанавливала перечень оснований прекращения уголовного дела, влекущих обязанность органа дознания, следователя, прокурора и суда по принятию мер к возмещению ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями, т. е. по сути являющихся реабилитирующими, тем не менее имеются и другие примеры оперирования правоприменителем понятиями, упоминаемыми в уголовно-процессуальном законе, но не получившими должной регламентации в части формирования понятийного аппарата (уголовный процесс, уголовное дело, стадии уголовного процесса, следственные действия и т. д.), а также понятиями, вообще не закрепленными в законе (прямые и косвенные, первоначальные и производные доказательства и др.), которые являются «плодом» уголовно-процессуальной науки. Используются в уголовно-процессуальной деятельности и понятия, разработанные уголовно-правовой наукой: состав преступления, признаки преступления и т. п.

Означает ли изложенное, что правовая доктрина является формально-юридическим источником уголовно-процессуального права, причем, учитывая, что указанные выше и аналогичные им теоретические дефиниции использовались в уголовном судопроизводстве и ранее, источником давно существовавшим, но не замечаемым или не признаваемым ни на законодательном, ни на доктринальном уровнях?

При ответе на данный вопрос полагаем необходимым исходить из того, что важнейший признак формально-юридического источника уголовно-процессуального права – закрепление им уголовно-процессуальных норм – предполагает соблюдение двух условий.

Обязательным условием признания того или иного правового явления способом закрепления уголовно-процессуальных норм является его легитимность в этом качестве, что предполагает связь с государством. Утверждение о том, что «отсутствие государственного одобрения правовой доктрины не означает ее невозможности фактического действия как источника права»²⁴, мы считаем абсолютно неприемлемым в сфере уголовного судопроизводства по той причине, что в уголовно-процессуальных правоотношениях обязательно участие представителей государственной власти, а значит, регулирование таких отношений «без ведома» государства невозможно.

Отмеченная связь выражается в установлении или санкционировании норм права государством.

Установление государством означает создание норм права органами государства. Научные доктринальные положения, являясь результатом деятельности научного сообщества, а не специально уполномоченных органов государства, нельзя считать установленными государством.

Санкционирование государством, подразумевающее одобрение государством правовых норм, созданных без его участия, возможно либо путем прямого указания в нормативных правовых актах на возможность использования доктринальных положений (официальное санкционирование), либо путем ссылок в правоприменительных решениях на научные источники (фактическое санкционирование)²⁵.

Учитывая, что возможности использования доктринальных положений УПК РФ не предусматривает, а случаи ссылок на научные источники при производстве по уголовным делам не выявлены²⁶, оснований считать доктринальные положения официально или

²⁴ Васильев А. А. Указ. соч. – С. 8.

²⁵ Там же.

²⁶ Такие случаи не выявлены ни в результате изучения материалов уголовных дел, ни в результате интервьюирования практических работников.

фактически санкционированными государством не имеется. Изложенное свидетельствует и о том, что доктринальные положения лишены и других важных признаков формальных источников уголовно-процессуального права – обязательности и обеспеченности государственным поведением.

Вторым условием признания того или иного правового явления способом закрепления уголовно-процессуальных норм является характер закрепляемых им положений, которые по сути должны являться новыми уголовно-процессуальными нормами, т. е. правилами поведения участников уголовного судопроизводства.

Анализируя соблюдение этого условия применительно к приведенным выше примерам использования в уголовно-процессуальной деятельности разработанных наукой понятий, важно разграничить две ситуации. Во-первых, когда соответствующее понятие вообще не упоминается в УПК РФ, как, например, положения, относящиеся к классификации доказательств. Такие положения могли бы претендовать на статус правила, разработанного уголовно-процессуальной наукой, однако они приводятся в тексте соответствующих процессуальных документов либо со ссылками на УПК РФ, из которых они «выводятся» путем рассуждений, либо вообще без ссылок на какие-либо источники, представляя в качестве абсолютного знания, аксиомы.

Например, в Апелляционном определении Алтайского краевого суда от 12 июля 2024 г.²⁷ суд указал, что находит неосновательными «доводы осужденного в апелляционной жалобе, что показания свидетелей БЗ, А., У., Т2 производны от показаний потерпевшей М2, как основание для их критической оценки». При этом в качестве обоснования правила работы с производными и иными видами доказательств приводится ссылка на ч. 1 ст. 74 УПК РФ, на основе предписаний которой сделан вывод, что «в качестве доказательств уголовно-процессуальным законом допускаются не только прямые, но и косвенные, в том числе производные доказательства»²⁸.

Из Апелляционного определения Воронежского областного суда от 15 июня 2022 года²⁹ следует, что в апелляционном представлении государственного обвинителя указано, что «суд неправильно оценил как прямые, так и косвенные доказательства вины», поскольку опроверг доказательства, которые «в совокупности с другими косвенно подтверждают причастность ФИО-1 к совершенному преступлению», при этом каких-либо ссылок на то, что понимается под прямыми и косвенными доказательствами, вообще не приводится, а формулировка «косвенно подтверждают» несет в себе знание даже не юридического, а общего характера.

Другая ситуация, напротив, состоит в том, что соответствующее понятие упоминается в УПК РФ, но без желаемой детализации, в связи с чем получило разъяснение на доктринальном уровне. В таком случае, как представляется, сам факт наличия понятия в уголовно-процессуальном законе означает, что оно является правовой нормой или ее частью, а значит, имеет такую же природу, как и другие закрепленные в УПК РФ правила поведения. Доктринальное разъяснение не является новым правилом, оно «выводится» из закрепленных в законе предписаний, является производным от них. Так, именно УПК РФ определяет порядок производства следственных действий, несмотря на то, что не содержит разъяснения соответствующей дефиниции. И даже использование понятия «состав преступления» регламентировано нормами УПК РФ об основаниях отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела. Сама же теоретическая конструкция «состав преступления» применяется в уголовном судопроизводстве не как некая абстракция, а только

²⁷ Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 12.07.2024 г. по делу № 22-2940/2024 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: https://kraevoy-alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=24539716&case_uid=5e84192c-3a60-4434-9e53f1551ec09b84&result=0&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 22.08.2024).

²⁸ Там же.

²⁹ Апелляционное определение Воронежского областного суда от 15.06.2022 по делу № 22-1195/2022 // Актофакт : сетевое издание. – URL: <https://actofact.ru/case-36OS0000-22-1195-2022-2022-04-21-2-1/> (дата обращения: 22.08.2024).

во взаимосвязи с соответствующими статьями УК РФ и предназначена для оптимизации процесса квалификации деяния.

В этой связи мы не можем согласиться с мнением о том, что доктринальные положения применяются при наличии пробела в законодательстве [8, с. 79] или праве³⁰, считая такую ситуацию неприемлемой в сфере уголовного судопроизводства.

Сам факт отсутствия положений в тексте УПК РФ не всегда является свидетельством пробела в законе, а часто выступает показателем того, что законодатель не посчитал нужным их закрепить в виду их естественного и само собой разумеющегося характера.

Как верно отметил Л. В. Головкин, «необходимость нормативного закрепления того или иного положения возникает тогда, когда существует хотя бы гипотетическая альтернатива» [15, с. 29].

Каким бы детализированным ни было уголовно-процессуальное регулирование, оно имеет определенные пределы. Попытки же регламентации того, что и так понятно, являются объектом справедливой критики [16, с. 78].

В приведенных выше примерах доктринальные положения не восполняют пробел в УПК РФ, применяются в бесконфликтной ситуации, ввиду их общепризнанности, благодаря которой соответствующее знание переходит в разряд аксиомы, не требующей подтверждения своей истинности. Они не являются обязательными, не обеспечены мерами принудительного характера, но учитываются при производстве по уголовным делам, поскольку не предполагают альтернативы.

В случае же, когда такие положения ставятся под сомнение, вызывают неоднозначное восприятие в правоприменительной практике либо не имеют никакой связи с законом, т. е. действительно восполняют его пробел, недостаточно опираться на авторитетное научное знание, требуется внесение соответствующих изменений или дополнений в закон.

Таким образом, научные доктринальные положения не могут выступать способами закрепления уголовно-процессуальных норм, т. е. не могут быть отнесены к формально-юридическим источникам уголовно-процессуального права.

Изложенное, однако, не умаляет роли правовой доктрины в правоприменении, которая состоит в том, что правовая доктрина помогает понять закон, т. е. представляет собой важнейший инструмент познания права.

Заключение

Правовая доктрина в виде комплекса разработанных юридической наукой положений и официальных документов доктринального характера играет важную роль в уголовно-процессуальном регулировании.

Правовая доктрина выступает в качестве материального источника уголовно-процессуального права, т. е. является правообразующим фактором, оказывает влияние на развитие и совершенствование законодательства, а также представляет собой важнейший инструмент познания права.

Правовая доктрина не может быть признана формально-юридическим источником уголовно-процессуального права, поскольку не закрепляет уголовно-процессуальных норм, а научная правовая доктрина к тому же не обладает такими важнейшими признаками источников права, как установление или санкционирование государством, обязательность и обеспеченность государственным принуждением.

Список литературы

1. Овчинников А. И., Далгатова А. О., Фатхи В. И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // *Философия права*. – 2016. – №2 (75). – С. 59–64.

³⁰ Пузиков Р. В. Указ. соч. – С. 9.

2. Османова Д. О. Доктрина как источник гражданского права // Хозяйство и право. – 2023. – № 12 (563). – С. 3–20; <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-12-3-20>.
3. Анисимов А. П. Научная доктрина как источник права // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 6. – С. 78–84.
4. Берлявский Л. Г. Правовая доктрина как источник конституционного права / Правовая доктрина в юридической науке и практике : материалы международной научно-практической конференции памяти В. Д. Перевалова, Екатеринбург, 25 ноября 2022 г. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2023. – С. 270–285.
5. Ведешкина Т. П. Правовая доктрина как нетипичный источник трудового права / За права трудящихся! Приоритетные направления развития законодательства о труде и социальном обеспечении : материалы седьмой Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 16–17 декабря 2021 г. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. – С. 28–31.
6. Касимова Ф. А. Правовая доктрина и конституционные обычаи как источники конституционного права // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Душанбе. – 2023. – Т. 2, № 2 (32). – С. 55–63.
7. Зеленкевич И. С. Понятие правовой доктрины как источника современного российского права // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – 2011. – № 15. – С. 118–121.
8. Бошно С. В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. – 2003. – № 12 (84). – С. 70–79.
9. Ботанцов И. В. Методические рекомендации нотариальных палат как пример применения доктрины в качестве источника права в России // Нотариус. – 2019. – № 2. – С. 3–6.
10. Мадаев Е. О. Доктрина как источник уголовного права / Криминологические чтения : материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, 19 апреля 2019 г. / науч. ред. Э. Л. Раднаева ; отв. ред. С. П. Сверкунов. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2019. – С. 29–33.
11. Мишина Н. В. Правовая доктрина как источник права (на примере железнодорожного права) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2008. – № 4 (279). – С. 231–236.
12. Хальметов А. И. Понятие доктрины и доктринальных источников российского права // Наука. Общество. Государство : электронный журнал. – 2020. – Т. 8, № 3 (31). – С. 108–118; <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2020-8-3-13>. – URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/46869>.
13. Головастова Ю. А. Правовая доктрина как источник отрасли уголовно-исполнительного права / Научные труды Московского университета имени С. Ю. Витте : сборник научных статей. – Москва: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2017. – Вып. 4. – С. 13–20.
14. Чашин А. Н. Доктрина как источник уголовно-процессуального права России (на примере учения об основаниях прекращения уголовного дела) // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 2 (32). – С. 129–133.
15. Головкин Л. В. Судебная реформа 1864 г. и современное развитие отечественного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2015. – № 1. – С. 27–37.
16. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное законодательство России: идейное содержание, форма, качество // Судебная власть и уголовный процесс. – 2023. – № 1. – С. 73–85.

References

1. Ovchinnikov A. I., Dalgatova A. O., Fatkhi V. I. Pravovaya doktrina kak istochnik prava v Rossiyskoy Federatsii // Filosofiya prava. – 2016. – №2 (75). – S. 59–64.
2. Osmanova D. O. Doktrina kak istochnik grazhdanskogo prava // Khozyaystvo i pravo. – 2023. – № 12 (563). – С. 3–20; <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-12-3-20>.

3. *Anisimov A. P.* Nauchnaya doktrina kak istochnik prava // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika.* – 2010. – № 6. – S. 78–84.
4. *Berlyavskiy L. G.* Pravovaya doktrina kak istochnik konstitutsionnogo prava / *Pravovaya doktrina v yuridicheskoy nauke i praktike : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii pamyati V. D. Perevalova*, Yekaterinburg, 25 noyabrya 2022 g. – Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet, 2023. – S. 270–285.
5. *Vedeshkina T. P.* Pravovaya doktrina kak netipichnyy istochnik trudovogo prava / *Za prava trudyashchikhsya! Prioritetnyye napravleniya razvitiya zakonodatel'stva o trude i sotsial'nom obespechenii : materialy sed'moy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Yekaterinburg, 16–17 dekabrya 2021 g. – Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet, 2021. – S. 28–31.
6. *Kasymova F. A.* Pravovaya doktrina i konstitutsionnyye obychai kak istochniki konstitutsionnogo prava // *Vestnik Filiala Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova v gorode Dushanbe.* – 2023. – T. 2, № 2 (32). – S. 55–63.
7. *Zelenkevich I. S.* Ponyatiye pravovoy doktriny kak istochnika sovremennogo rossiyskogo prava // *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2011. – № 15. – S. 118–121.
8. *Boshno S. V.* Doktrina kak forma i istochnik prava // *Zhurnal rossiyskogo prava.* – 2003. – № 12 (84). – S. 70–79.
9. *Botantsov I. V.* Metodicheskiye rekomendatsii notarial'nykh palat kak primer primeneniya doktriny v kachestve istochnika prava v Rossii // *Notarius.* – 2019. – № 2. – S. 3–6.
10. *Madayev Ye. O.* Doktrina kak istochnik ugolovnogo prava / *Kriminologicheskiye chteniya : materialy XIV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Dorzhi Banzarova*, Ulan-Ude, 19 aprelya 2019 g. / nauch. red. E. L. Radnayeva ; otv. red. S. P. Sverkunov. – Ulan-Ude: Buryatskiy gosudarstvennyy universitet, 2019. – S. 29–33.
11. *Mishina N. V.* Pravovaya doktrina kak istochnik prava (na primere zheleznodorozhnogo prava) // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye.* – 2008. – № 4 (279). – S. 231–236.
12. *Khal'metov A. I.* Ponyatiye doktriny i doktrinal'nykh istochnikov rossiyskogo prava // *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo : elektronnyy zhurnal.* – 2020. – T. 8, № 3 (31). – S. 108–118; <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2020-8-3-13>. – URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/46869>.
13. *Golovastova Yu. A.* Pravovaya doktrina kak istochnik otrasli ugolovno-ispolnitel'nogo prava / *Nauchnyye trudy Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte : sbornik nauchnykh statey.* – Moskva: Moskovskiy universitet im. S. Yu. Vitte, 2017. – Vyp. 4. – S. 13–20.
14. *Chashin A. N.* Doktrina kak istochnik ugolovno-protssesual'nogo prava Rossii (na primere ucheniya ob osnovaniyakh prekrashcheniya ugolovnogo dela) // *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika.* – 2015. – № 2 (32). – S. 129–133.
15. *Golovko L. V.* Sudebnaya reforma 1864 g. i sovremennoye razvitiye otechestvennogo ugolovnogo sudoproizvodstva // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo.* – 2015. – № 1. – S. 27–37.
16. *Pobedkin A. V.* Ugolovno-protssesual'noye zakonodatel'stvo Rossii: ideynoye sodержaniye, forma, kachestvo // *Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess.* – 2023. – № 1. – S. 73–85.

Статья поступила в редакцию 13.09.2024; одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted September 13, 2024; approved after reviewing November 14, 2024; accepted for publication December 25, 2024.